

ЖИЗНЬ КАК МЕЧТА

Сворачиваю с Рублево-Успенского шоссе на узкую асфальтированную дорожку, поднимающуюся на холм к моему любимому березняку. Когда-то холм этот был поросшим травой, и на нем возле рощицы обычно паслась рыжая корова с телятком. Но это было- «когда то», а сейчас на холме, слева от дорожки, по которой еду, стоят прекрасные виллы и деревянные срубы, обнесенные высоким забором. На повороте с шоссе в мгновение ока вырос монастырский комплекс: звонница, церковь с золотым куполом- не дать, не взять- Успенский собор- и при нем еще какие то монастырские помещения. Признаться, я никогда не замечал, чтобы там велась служба, да и толпящихся прихожан тоже никогда не видел, но возможно я проезжал недостаточно часто и в неподходящее время. Наверняка, были и службы и прихожане, иначе зачем бы было создавать такую красоту, если не для того, чтобы живущие в этих виллах люди могли бы приходить сюда на богослужение. Наверно, эта церковь с золотым куполом является их приходским храмом, и может быть в ней висит своя икона рублево- успенской Богоматери. Но это, повторяю, только предположение, поскольку внутри я никогда не был.

Я поднимаюсь на вершину холма и, повернув налево, припарковываюсь на площадке перед воротами этого городка особняков, где стоит будка с охраной, и где ко мне уже привыкли, так что охранник, иногда, завидев мою машину, поднимает руку в знак приветствия.

У меня старая четверка, и, скажем прямо, машины такие подъезжают сюда нечасто. Но меня это мало беспокоит. В

конце концов, машина есть машина: она легко поднимается на холм, легко с него спускается- она принадлежит тому же семейству, что форды и тайоты и, хотя выглядит она немного старовато, ну да не беда, ведь хозяин ее тоже выглядит немного старовато, что с того? Меня беспокоит другое: я с тревогой жду, что на повороте повесят кирпич, и тогда форды и тайоты- то, может и поедут, а вот мы... Или, еще хуже: один местный житель сказал, что лес планируется огородить... но не будем о грустном- пока все хорошо. Я вылезая из машины, беру с собой раскладной стульчик, рюкзачок с едой и книгой и направляюсь к своей березке, что метрах в пятидесяти от площадки, где припарковался. Я еще не успел сказать, что мне семьдесят девять лет и что жизнь прекрасна. Прекрасна, потому, что есть эта береза, от которой тропинка спускается вдоль оврага в низинку, где течет ручей, и куда я каждую весну хожу в надежде услышать соловья... Все- то там есть: и овраг, и ручеек, и черемуха, ...а соловья почему- то нет. Но я мечтаю, что в один прекрасный вечер он запоет, и тогда картина эта: весна, Россия, соловей, и «весь в черемухе овраг»- окажется завершенной, и ее можно будет вынуть как листок из альбома.

А если альбом перелистнуть, и начать подниматься по другому склону, то скоро придешь на место, которое когда- то было нашим последним привалом. Оно и сейчас вполне узнаваемо, хотя кустики на краю площадки, что над оврагом, превратились в рощицу, а спуск к ручейку зарос кустарником. Лавочка, которую соорудил Георгий, конечно, сгнила, но кострище на своем месте, хотя тоже, скорее, лишь обозначено...Мы ходили большой компанией с детьми, а потом и с внуками, с разных станций Белорусской дороги:

Трехгорка, Ромашково, Раздоры, и конечным нашим пунктом была Усовская платформа, отсюда, примерно, в полтора километрах, где садились на поезд. А эта площадка над оврагом была, как я уже сказал, нашим последним привалом. Разводили костер, дети бежали с котелками к ручью... Почему- то вдруг вспомнил, как сидел на пне, а ко мне подошел Гриша и сказал: «Петрович, у тебя, случайно, штопора не найдется? А то я бутылку кагора принес...»

Следующий листок- это уже тропинка, которая тянется вверх- от привала до «Гнутика». Его сейчас, конечно, уже тоже нет- лежат березовые гнилушки- вот и все. А ведь когда- то гнутая береза была верным ориентиром туристов, бродивших в этой округе. Бывало, скажешь- до гнутика и налево- и всякий тебя поймет. А как- то, помню, какому- то мужчине это сказал, а он мне в ответ: «Да тут каждая третья береза гнутая...» Э- нет, думаю, этот мальчик не из нашего детского садика...

И вот я сижу на своем стульчике в березняке неподалеку от забора, за которым стоят прекрасные деревянные срубы, а в них живут богатые и счастливые люди. Иногда, кто- ни будь из этих людей выходит из ворот, чтобы прогуляться по лесу и прогулять свою собаку. Собаки, конечно, разные, но все, неизменно, большие, породистые и красивые. Хозяева всегда со мной любезны: здороваются и улыбаются, а собаки подбегают, обнюхивают и виляют хвостом. Хозяева говорят, чтобы я не волновался, что мол она не укусит, а мне и в голову не приходит волноваться, ибо я знаю, что у таких людей не может быть злых, обиженных жизнью собак.

Вот эту собаку я знаю: ее зовут Рона; у нее большая голова и добродушное лицо. Она всегда меня обнюхивает, а

потом отворачивается и чихает; я глажу ее по голове и говорю «Будь здорова!». Хозяина я тоже знаю: он относительно молодой, лет сорока пяти, в джинсах и спортивной куртке. Он знает как меня зовут, и я тоже, кажется, знал, но не уверен.

- Хороший сегодня денек- говорит он- а что читаем?

Я протягиваю книгу. Он вертит ее в руках, смотрит на обложку, листает, ...мне кажется, что сейчас начнет нюхать, но он этого не делает и с улыбкой возвращает ее мне.

- Английская?

- Немецкая.

- Как- то у меня с языками не складываются отношения.

- Да какое это имеет значение!

И, действительно, какое это имеет значение... Сейчас он вернется в свой прекрасный деревянный сруб, где по бокам лестницы стоят горшки с цветами, где в гостиной камин и низкие удобные сиденья, на которых в зимний вечер так приятно расслабиться и смотреть на потрескивающие поленья, где его ждет прекрасная молодая женщина, которая что-то перекладывает с одной полочки на другую...

- А наш профессор уже занял свою позицию.

- Какой профессор?

- Ну тот, который приезжает сюда на синих Жигулях и сидит там на стульчике, как- будто прописался.

- С чего ты взял, что он профессор?

- Ну, в общем ученый какой- то, может академик.

- Академики на таких машинах не ездят.

- Да ты что? Они же сейчас гроши получают

- Хорошо, что ты не академик. Кстати, не видишь пульт от телевизора? Куда я его положила? Только что, вроде,

в руках держала?...

Подумал и устыдился: ну откуда это высокомерие? Только оттого, что я прочел на три книжки больше чем они?

Ноги ходят плохо, так что гулять по лесу особенно не тянет. Но зато, мне доступны другие прогулки- прогулки по моей жизни. Дорога тянется на много километров, и за каждым поворотом что- то новое, хотя и узнаваемое. И замечательно, что я не выбираю маршрутов, а они сами передо мной возникают. Ничего замысловатого: просто – спускаюсь к речке, просто- иду по переулку, где между плохоньких, оштукатуренных двухэтажных домишек красуется шестиэтажный дом из красного кирпича, который я почему- то считаю музыкальной школой...И нельзя ничего удержать, невозможно ни на чем сосредоточиться.

Почему- то вспомнил, как на днях ходил на концерт, где среди прочих музыкантов играла моя знакомая молодая скрипачка. Я в нее влюблен, и она это знает, хотя, естественно, никаких слов произнесено не было...только взгляды, только улыбки, только - про каких-то общих малознакомых. Наши встречи мгновенье, наши встречи случайны...Никаких желаний, если не считать того, что иногда мне ужасно хочется ее поцеловать....Такое уже было лет шестьдесят пять тому назад. Тогда я тоже влюблялся в девушек, которых мне хотелось поцеловать, но они, как правило, были старше меня, и им было всегда не до меня, хотя я был не старенький старичок, а маленький мальчик. Они всегда куда- то спешили, улыбались, были ко мне добры, а я только мечтал о них. Между этими двумя периодами моей жизни лежит широкая полоса, где было что- то совсем другое, но она ушла, а это осталось.

Ее зовут Катя. Иногда она присылает мне мэйлы с приглашением на концерт с ее участием. Обычно она подписывается «Катя», но последний раз там стояло «Ваша Катя». Много ли человеку нужно, чтобы быть счастливым, особенно в моем возрасте... Помню в ранней юности читал роман Джека Лондона «Приключение». Главный герой там был мужчина-волевой, бесстрашный и очень сдержанный-никогда не дававший повода заподозрить в какой-нибудь сентиментальности – типичный джеклондоновский герой. И девушка тоже была типичная джеклондоновская героиня: и на коне она скакала, и из пистолета стреляла, и, естественно, тоже никакой сентиментальности. Однажды он получает от нее записку совершенно делового свойства: кажется, что-то по поводу лошадиного корма, подписанную «Ваша Джейн Леклэнд»... И вот этот сдержанный, можно даже сказать, суровый мужчина ходит и повторяет: ваша Джейн Леклэнд... Сколько лет прошло с тех пор как я читал этот роман- 60?-65? Совершенно не помню в чем там дело; ни с чего началось, ни чем кончилось, но это «Ваша Джейн Леклэнд» помню как сейчас... Ваша Джейн Леклэнд, Ваша Катя, моя Катя, Ваша Джейн Леклэнд...

Я еще не описал дорогу от гнутой березы до того места, которое себе облюбовал. Здесь немного более километра. Лесная тропинка: осинки, березки, слева- еловая завеса, справа- болотинка, на которой однажды весной я видел прекрасного селезня. Я попытался к нему приблизиться, хотя зачем это делал- непонятно. Он не улетел, а засеменял от меня к краю болотинки. Может быть он мечтал или медитировал, и я вызывал у него понятное раздражение. Но я не унимался и пытался подойти еще ближе, хотя не понимал-

зачем? Погладить, что ли собирался? Наконец его терпение лопнуло, и он поднялся на крыло, напоследок, взглянув на меня с неприязнью...осинки, березки- ничего выдающегося. Почему же, когда воображаю последний участок пути, представляю эту тропинку, а не, скажем, ваганьковскую аллею, что было бы более естественно...потому что, наверно, в конце ее нет такой широкой поляны, с которой уже видны сосны на краю леса.

Все мое детство прошло в мечтаниях. Я мечтал о красивой жизни в разных ее проявлениях, одним из них был веломотоцикл (сейчас это, кажется, называется мопед)... В первые послевоенные годы мои родители снимали дачу в подмосковье, и у меня был велосипед, которого я любил как друга. Я ездил на нем на соседние дачи, на пруд, даже в Москву...но веломотоцикл!... Боже, как я о нем мечтал! В запахе его выхлопа мне чудились дальние путешествия, другие страны, другая жизнь...

Сейчас у меня старая четверка, а веломотоциклы превратились в роскошные машины, созданные для дальних путешествий, которые и есть «другая жизнь». Разница только в том, что у меня больше нет желания пересесть на них. Случись такое, я наверно совершенно бы потерялся перед автоматическими стеклоподъемниками, антиблокировочными системами, перед пультом с множеством всяких показателей, кнопок и рычажков...нет, управлять ими у меня желания нет. Мне достаточно сознания, что такое существует, что оно существует совсем рядом, что, в сущности, мы принадлежим одному семейству, одной стае, которая может сорваться с места и полететь- кто быстрее, кто медленнее, не так уж важно- но все вместе в едином порыве к единой цели...

Она играла сицилиану из до- минорной сонаты. Кто понимает! Во влюбленности все впервые. Скажем, первое «ты». Случайно, по ошибке. И тут же назад: «вы знаете, вы помните»...но это уже сказано, а за этим такие горизонты...Мне никогда не представлялся случай сказать Кате «ты», но может быть, когда- нибудь...объятия, в сущности, банальны, но –его величество прикосновение...это что же за птица такая? Дрозд не дрозд? Ах, это дятел! Ну, давай, дружище, трудись.

А может быть- это и не надо: «Зачем мы перешли на ты? За это нам и перепало на грош любви и простоты, а что-то главное пропало». А что в наших отношениях «главное»? завтра я сверну с тропинки, а она даже и не узнает, а. когда узнает, загрустит на минуту- и это все...Главное, это, конечно мечта. И чем менее она конкретна, тем более вместительна- мечта о жизни.

Я ковыляю к своей четверке. При моем приближении она не вспыхивает, не взвизгивает, а мирно ждет, пока я достану ключ, вставлю его в замок, вспомню, что тот не работает, зайду с другой стороны, открою правую дверь, дотянусь через сиденье до щиколды, вытяну ее, еще раз обойду машину, открою левую дверь, залезу на сиденье, отдохну -и в путь.

Еду по узкой ленте Красногорского шоссе, а за мной следует какая- то очень породистая машина: у нее большой лоб и низко опущенные глаза; она едет за мной на почтительном расстоянии, не наезжая, не мигая, не пытаюсь обогнать: словом, не стараясь дать понять- кто она и кто я, и в этом есть какой- то шик, это вызывает уважение и, я бы даже сказал, близость.

Когда дорога расширилась в том месте, где спускается к бензозаправке, она обошла меня и стала быстро удаляться, но, когда мы ехали по узкой дороге, мы были вместе, мы принадлежали одному братству- и это было замечательно.

Когда она стала удаляться, у меня возникло мальчишеское желание – не отставать, и я нажал на газ, но Катя положила мне ладонь на руку, сказав: «не надо за ней гоняться, поедем не спеша», и я притормозил.

Дальше при подъезде к Одинцову дорога снова сузилась, и за мной потянулся эскорт великолепных машин, сопровождавший меня до золотого купола у поворота на Можайское шоссе.